

раньше; но для России она была нова. С. А. Порошин называет два способа «проповедания» добродетели. Один, «яко законоподавцы», прямое поучение читателя, и другой, более «приманчивый», когда нравоучение преподносится в «блистании прелестных одежды», чтобы «возбудить охоту и внимание в читателях».¹⁰

В конечном счете вопрос о пользе художественной литературы был решен в рамках усвоенной теории европейского классицизма, в основе которой лежала проповедь государственного и общественного долга. Литература, таким образом, была вновь привязана к системе внелитературных общественных ценностей. Однако место ее не было точно фиксировано. Некоторое представление о разных точках зрения на литературу дают оригинальные и переводные книги по воспитанию и образованию, изданные примерно до 1760-х гг.

Следует сразу отметить, что вводимые в обращение теории воспитания были направлены против схоластического книжного образования. Определенным завершением этого процесса явились педагогические воззрения Ж. Ж. Руссо, полностью исключившего книгу из воспитательного процесса. Однако частичное усвоение идей «Эмиля» началось в России только во второй половине века. До этого цели переводчиков были чисто практическими и для перевода отбирались сочинения, соответствующие русским традициям и потребностям. Заведением, которое ставило задачу прежде всего воспитания, а не образования, оставался Сухопутный шляхетный корпус, преподаватели которого именно в 1760-е гг. и перевели ряд наставлений о воспитании молодого дворянина. В это время переиздаются и уже известные русскому читателю книги: упоминавшиеся «Письма» госпожи Ламбер; приписывавшаяся Фенелону и переведенная В. К. Тредиаковским «Истинная политика...», «Совершенное воспитание...» аббата Бельгарда в переводе С. С. Волчкова. В какой-то степени оживление педагогических интересов было связано с деятельностью И. И. Бецкого по воспитанию «новой породы» людей.

Почти все педагогические трактаты обращают внимание на то, какое место должна занимать в круге чтения художественная литература, иногда затрагивают вопрос о престижности литературных занятий. В известной мере эти высказывания проясняют отношение читателя к писателю и писателя к своему труду, сложившиеся к середине века. Книги эти предназначались для дворян и, естественно, опирались на представление о первенствующем значении дворянского сословия в жизни государства. Призывы к дворянам учиться вполне соответствовали сохранившейся от Петра I традиции почти насильственного обучения дворянских недорослей. Объяснялась необходимость науки для благородного человека, так как те, которые «превосходят других порою, должны и величественно и величественно сво-

¹⁰ *Пресо д'Эмиль А. Философ английской. или жгити Клевеланди* СПб., 1760, т. I, с. 2—3.